

**ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (ПО ОТЧЕТАМ ПРИХОДСКОГО
ДУХОВЕНСТВА ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

О. А. СУХОВА

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Религиозность русского народа отражала не только представления о целостности мироздания, но и закладывала основы тождественности этических норм и правил, усваиваемых каждым последующим поколением, формировала культурно-исторический код, базовые скрепы исторической памяти. Поэтому одной из основных обязанностей родителей в отношении детей становилось воспитание в них «страха Божия», что в конечном итоге должно было воспрепятствовать совершению грехов («Начало премудрости – страх господень») [1, с. 25].

Этическая концепция понятия греха была естественно и органично связана с представлениями о загробной жизни, о Страшном Суде и о каре Божией вообще. Тем самым христианская этика напрямую соотносилась с нормами обычного права, повышала их действенность за счет наполнения мистическим содержанием, а следовательно, выполняла функции контроля и коррекции поведенческой практики. Помимо мировоззренческой и регулятивной к общему ряду социально-психологических функций религии принято относить также интегрирующую, коммуникативную и компенсаторную [2, с. 244–245]. Разнообразие функциональных задач, решаемых в сфере религиозной психологии, указывает на опосредованность присутствия последней в культуре повседневности в качестве одного из ключевых ее элементов.

Практики религиозного поведения оформляли собой канву восприятия и усвоения смыслов, транслируемых в системе власти-подчинения, и одновременно отражали рефлексивную, отвечали за обмен важнейшей ментальной информацией, обеспечивавшей стабильность и имперской системы, и множества локальных миров как ее подсистем. В отношениях между крестьянством и окружающим его микро- и макрокосмосом церковь выполняла миссию посредника, и во многом именно от этого взаимодействия зависела степень согласованности поведенческих практик, обеспечивавших благополучие сельского мира.

Подтверждение тому находим в отчетной документации приходского духовенства. Волею случая в фонде Пензенской духовной консистории Государственного архива Пензенской области сохранился комплекс материалов за 1877 г., запечатлевший состояние народного благочестия практически всех приходов епархии [3]. Поразительно, но описывая крестьянские миры, представители клира произвольно оперировали категориями, формирующими ныне методологическую основу новой локальной истории и апеллирующими к пространству территории и пространству населения: «приход села Болотникова ... не изменился ... ни в границах, ни в численности душ» (Мокшанский уезд Пензенской губернии) [3, л. 330].

Помимо собственно религиозных параметров мониторинга, волновавших духовенство по долгу службы: исполнение св. таинств и соблюдение постов; посещаемость храма; образ приходского духовенства; степень и характер крестьянской «набожности»; сохранение следов религиозной архаики в народном сознании и ряда других – священнослужители были ответственны и за этическое и психологическое благополучие паствы. Попробуем выделить и сопоставить «религиозный» и более широкие: «социополитический» и «социокультурный» контексты полученной информации.

Путем случайной выборки мы выделили 45 текстов отчетной документации пензенского приходского духовенства за 1877 г. После создания категориальной модели предмета анализа, вобравшей в себя 50 встречающихся в текстах признаков объекта исследования, и кодировки признаков была проведена идентификация «поисковых образов» категорий анализа с элементами содержания текста.

В отчетах по епархии за 1877 г. зафиксировано указание на охотное и регулярное принятие св. таинств в 57,7 % случаев. Так, по свидетельству приходского священника, в с. Николаевка Пензенского уезда многие крестьяне приходили к исповеди по 2–3 раза в год, а таких, которые не исповедовались бы «по нерадению» не было вовсе. Однако подобное единодушие трудно назвать характерным для всех приходов. Так, по меньшей мере, в трех селах Городищенского уезда священники отмечали нарастание тревожных тенденций: «Многие из молодежи не исповедуются» (с. Канаевка); «...только старики и старухи ходят в храм, а 6–15 лет совсем не ходят, дескать, еще успеют намолятся» (из 854 жителей с. Архангельское-Куракино в этом году пришли на исповедь лишь 88); «Страшное нерадение в исполнении св. Таинств» (в с. Верхний Шкафт не было на исповеди 862 человека, в том числе и «около сотни раскольников»; исповедовалось и причастилось только 321 человек) [3].

В отчетах приходского духовенства фиксируется также и другой важный признак усиления религиозной индифферентности: в 20% случаев сообщалось о снижении посещаемости храмов прихожанами, особенно в летние месяцы [3]. Несмотря на мирскую поддержку и отмечаемую современниками особую любовь крестьян к «торжественности» богослужения, в период летней страды, когда, как известно, «день год кормит», православное население пренебрегало храмовыми службами даже в воскресные дни, чем нарушало не одну христианскую заповедь.

В своих отчетах сельское духовенство пыталось проанализировать факторы, угрожающие народной нравственности в целом и «отвлекающие» от приверженности православной традиции в частности. К числу последних, как правило, относили: пропаганду раскольников, отходничество, воскресные базары, а также и мирские сходки, в том смысле, что разборы различных «тяжб», проводимые в воскресный день, заканчивались по обыкновению «выпивкой» за счет штрафившихся [4, № 16, с. 5–6; № 17, с. 3]. Однако из всего вышперечисленного в разряд нетрадиционных «агентов влияния» следует, пожалуй, отнести лишь отходничество и отрыв земледельца от привычной хозяйственной и культурной практики.

Еще одним аспектом нашего анализа выступает изучение степени и характера народной религиозности. Основным постулатом современных исследований в сфере изучения российской ментальности все чаще называется признание за русским народом склонности больше не к рефлексии, а к верованию. По мнению К. А. Абдульхановой, именно вера в идеал, основанная на развитом воображении, мифологичности, сказочности народного сознания, «позволяла человеку вырваться за пределы обыденности, вынести всю тяжесть реальности» [5, с. 7–8]. Эту веру вряд ли можно назвать оптимистической, но на ее почве сформировалась особая черта национального характера – долготерпение.

К числу наиболее дискуссионных вопросов в сфере изучения народной религиозности относится и проблема расхождения или совпадения народного и церковного православия. Необходимо признать, что общепризнанного мнения на этот счет не существует и по сей день. Так, в своей монографии В. Б. Безгин делает вывод об ошибочности и искусственности теорий «двоеверия», «бытового православия», «обрядоверия» [6, с. 237]. Однако абсолютизация противоположного утверждения без серьезной аргументации выглядит достаточно противоречивой. Ведь восприятие Бога как высшей истины, как источника правды, как откровения, определяющего весь жизненный путь крестьянина, порой легко уживалось в его сознании с критическим отношением к отдельным представителям духовенства, к практике взимания платы за требы, с плохим знанием религиозных истин и т. д.

В отчетах приходского духовенства выделяется целый ряд параметров, определяющих эту сферу крестьянской нравственности. Общее количество соответствующих категорий высказываний, зафиксированных нами формально, можно подразделить на две группы, что по сути дела отражает своеобразие исследуемого феномена: суждения, указывающие на глубокую убежденность во всемогуществе Божие и подчеркивающие главным образом ритуальное, обрядовое отношение к религии [3].

К первой группе мы отнесли следующие категории: «набожность» как одно из отличительных свойств национального характера (10 единиц анализа, частота встречаемости составила 22,2 %); и как признаки частного порядка: безграничная вера во всемогущество Бога (3 и 6,6 % соответственно); глубокое, бессознательное уважение к религиозным истинам (2 и 4,4); благоговение перед иконами (2 и 4,4 %) и крестом (1 и 2, 2 %).

Абсолютизация идеи «божественного проведения» объясняется, как уже утверждалось выше, необходимостью упорядочить всю совокупность представлений о строении «мира», придать ей стройность и целесообразность, указать на взаимозависимость отдельных элементов в структуре родового сознания крестьянства. Так, священник с. Терповка Пензенского уезда отмечал, что из всех свойств Бога крестьяне «знают более его всемогущество», посредством которого они объясняют все явления природы [3, л. 93]. «Иные [крестьяне – прим. О. С.] совершенно не допускают, чтобы человек мог делать что-либо сам собою, по своей воле», – указывает Н. Смирнов («Видно так богу угодно», «Бог награждает, Бог и наказывает», «У Бога силою ничего не возьмешь» и пр.) [4, № 14, с. 7]. В. И. Даль приводит 40 высказываний, связанных с данной тематикой: «Бог отымет, бог и подаст», «Божьей воли не переможешь», «Одно знай: господи, помилуй и отыми и подай», и только в шести случаях упоминается

об индивидуальном опыте, об активном личностном начале и «своеволии» в человеческой деятельности («Бог богом, а люди людьми», «Богу молись, а к берегу гребись» и пр.) [1, с. 23–28].

Однако, помимо твердой и несомненной веры народа в «бытие Божие», пастырям приходилось констатировать и плохое знание религиозных истин и догматов, молитв и заповедей (в 44,4% случаев) и внешнее (т. е. обрядовое) в целом отношение к религии (26,6 % соответственно) [3]. Представление о сверхъестественном в традиционном сознании формировалось под воздействием тождественности витальных циклов социального бытия, что опосредовало появление такой отличительной особенности религиозного сознания, как тяготение к ритуалу, к воспроизводству форм приобщения к вере, аналогичных ритму жизни традиционного общества, выступавших залогом стабильности на всех мыслимых уровнях. «Русский народ хочет не столько святости, – отмечал Н. А. Бердяев, – сколько преклонения перед святостью, подобно тому, как он не хочет власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени» [7, с. 17]. Этим, на наш взгляд, объясняется и сохранение мощных пластов архаики в современной исследуемому периоду православной традиции.

Особым сюжетом, тяготеющим скорее к анализу социокультурной составляющей социальной психологии и к формированию национальной и региональной идентичностей («пространственной самоидентификации») [8, с. 69–71], выступает оценка изменения массовых настроений паствы в условиях участия России в войне с Османской империей 1877–1878 гг. В этих условиях «бессознательная религиозность» русского народа получала мощную подпитку глубинных пластов национального менталитета и, в свою очередь, становилась фактором трансформации поведенческих практик. Так, характеристику прихожан с. Болотникова Мокшанского уезда предваряет погружение в общеполитический дискурс: «Нынешнее военное время располагает прихожан к благочестию тем, что радостные известия с театра войны возбуждают в них чувства благодарности к богу, во-первых, а во-вторых, получаемые неудачи и потери вызывали чувства смирения и преданности воле Божией. Вообще моления о войне были искренни и нередко сопровождались глубокими вздохами к Богу и невольными слезами» [3, л. 330].

Чувство сопричастности к судьбам своего Отечества, сострадание к жертвам военного конфликта укрепляли единство локальных миров, неразрывную и освященную верой связь с местом своего обитания. Как отмечал священник Свято-Троицкой церкви г. Инсара: «Вот грянул гром войны, и русский мужик перекрестился... Подобные мировые события, как война, невольно заставляют людей думать и чувствовать одно и то же и невольно обращают сердца их к Богу. Страшно подумать, сколько дорогих жизней ушли за Дунай и за высокие горы Кавказские! А в животе и смерти их волен один Бог. Как же после этого не обратиться к Нему – Всемогущему с горячею молитвою о сохранении этих жизней?»; «А им же судим еси положите души свои за Веру, Царя и Отечество, тем прости согрешения их...»; «Да очень многих война научила молиться...» [3, л. 359].

Таким образом, нельзя не признать, что вера и обрядность играли важнейшую роль в жизни крестьянского социума, оформляя собой всю совокупность

представлений о строении «мира», придавая ей стройность и целесообразность, сохраняя и воспроизводя для последующих поколений технологию передачи социального опыта. Синкретизм народного миропонимания позволял легко, без каких-либо антагонистических проявлений уживаться в социальных представлениях в виде взаимопроникающих слоев, как языческому, так и православному уровню верований. Этим во многом объясняется сохранение мифологизированности сознания и на более поздних этапах социальной эволюции как одной из базовых характеристик крестьянской ментальности.

И, наконец, нельзя не отметить рост религиозности населения в периоды военных потрясений, что выступало основой укрепления традиций восприимчивости патриотического самосознания и социально-политической интеграции.

Литература

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – Т.1. – 383 с.
2. Ольшанский, Д. В. Психология масс / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2001. – 368 с.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 2256.
4. Смирнов, Н. Религиозное состояние русского православного народонаселения в пределах Пензенской епархии / Н. Смирнов // Пензенские епархиальные ведомости. – 1876.
5. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М. : ИП РАН, 1997. – 336 с.
6. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Б. Безгин. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. – 304 с.
7. Бердяев, Н. А. Душа России / Н. А. Бердяев // Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Бердяев Н. А. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
8. Крылов, М.П. Региональная идентичность в Европейской России / М. П. Крылов. – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с.

В статье определяется роль и место духовных ценностей православия в процессе формирования культуры взаимодействия в повседневной жизни российского общества второй половины XIX в. Корпус источников для разработки проблемы составили отчеты приходского духовенства, периодическая печать, памятники устного народного творчества.

В общем русле новой локальной истории и истории повседневности сделан вывод об определяющем значении православных ценностей в системе социальных представлений и поведения российского социума, самоидентификации населения и культуры повседневности в целом. Установлено, что в периоды военных конфликтов происходит значительный рост религиозности, что активизирует историко-культурный код патриотического самосознания.

The role and place of the spiritual values of Orthodoxy in the process of forming a culture of interaction in the daily life of Russian society in the second half of the 19th

century. defined in the article. The corpus of sources for the development of the problem was the reports of the parish clergy, periodicals and monuments of oral folk art.

The conclusion about the decisive importance of Orthodox values in the system of social ideas and behavior of the Russian society, the self-identification of the population and the culture of everyday life as a whole was made in the general direction of the new local history and the history of everyday life. It was found that during periods of military conflicts there is a significant increase in religiosity, which activates the historical and cultural code of patriotic self-consciousness.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20015, <https://rscf.ru/project/22-18-20015/>». Russian Science Foundation, сокращенное наименование – RSF. Ссылка на информацию о проекте: <https://rscf.ru/en/project/22-18-20015>.